

Алексей ГОЛИЦЫН

«ХУДТЕХНИКУМ СЪЕСТ ВАС»: РАЗГРОМ КОРНЕЕВСКОЙ ШКОЛЫ В САРАТОВЕ

Саратов начала XX века был известен не только как крупный промышленный и торговый город, но и как центр культурной, в частности – художественной жизни. Так, в 1897 г., на 12 лет раньше университета и на 15 лет раньше консерватории, здесь было открыто Боголюбовское рисовальное училище¹ – alma mater десятков знаменитых художников. Спрос на художественное образование был настолько велик, что одновременно с училищем работали и частные студии. В 1906 г. в Саратове открылась школа Федора Корнеева – одного из основателей Общества любителей изящных искусств, близкого друга Виктора Борисова-Мусатова², Василия Коновалова³, Гектора Баракки⁴ и многих других саратовских художников. На протяжении почти четверти века школа существовала параллельно с Боголюбовским училищем, а к концу 1920-х годов – конкурировала с ним. В наибольшей степени это было связано с личностью ее основателя и главного учителя. И если до революции престиж школы держался на педагогическом даре Корнеева, то при советской власти студентов привлекал либеральный дух и далеко не пролетарские методы обучения.

Федор Корнеев никогда не шел на конфронтацию с новой властью. Более того, в 1918 году художник «желал послужить своим опытом, знаниями и искусством культурно-просветительным целям и делу народного образования... хотел бы помочь советской власти в созидании новых культурных начинаний»⁵. Корнеев даже предложил создать в Саратове исторический музей, «где будут собраны... портреты всех великих вождей революции с древнейших времен и до наших дней, как крупнейших европейских, так и местных деятелей»⁶.

И хотя музей революции создан не был, расчет Корнеева на декларативное сотрудничество с большевиками оправдался. Его частная школа сменила вывеску на государственную, но по сути осталась прежней: директор самостоятельно принимал учеников и педагогов, устанавливал расписание и плату за обучение и даже получал за свой труд столько, сколько считал нужным.

Однако если в период НЭПа власти еще могли мириться с таким рассадником свободы, то с переходом на пятилетки терпеть частную школу в центре города стало невозможно. К тому же, Федор Корнеев демонстративно игнорировал социальное происхождение своих учеников, брал на работу опальных педагогов и не спешил вводить в учебный план политические дисциплины. В итоге саратовский отдел народного образования принял решение закрыть Корнеевскую школу, а освободившееся помещение передать музею (к слову, так и не передал). Опасаясь бунта учащихся, чиновники замаскировали ликвидацию под объединение школы с художественным техникумом.

¹ В 1918 г. Боголюбовское рисовальное училище было переименовано в свободные художественные мастерские, в 1919 г. – в высшие государственные художественно-технические мастерские, в 1920 г. – в художественно-практический институт, в 1923 г. – в художественно-промышленный техникум, в 1937 г. – в Саратовское художественное училище.

² Виктор Эльпидифорович Борисов-Мусатов (1870, Саратов – 1905, Таруса) – выпускник Московского училища живописи, ваяния и зодчества и Императорской Академии художеств.

³ Василий Васильевич Коновалов (1863, Санкт-Петербург – 1908, Екатеринбург) – выпускник Императорской Академии художеств, преподаватель Боголюбовского рисовального училища.

⁴ Гектор Павлович Баракки (Эttore Паоло Сальвини-Баракки) (1852, Верона – 1915, Саратов) – художник, с 1870-х гг. жил и преподавал в Саратове, в том числе в Боголюбовском рисовальном училище.

⁵ ГАСО, Ф. Р-494, Оп. 1. Д. 32. Л. 26.

⁶ Там же. Л. 27.

В середине октября 1929 года к Корнееву нагрянула комиссия, в состав которой вошли по одному члену горсовета, Рабпроса и Рабиса⁷, а также заинтересованные лица из худтехникума – заведующий Иван Бурмистров⁸, преподаватель Федор Белоусов⁹ и два студента. Кроме того, в комиссию делегировал своего активиста райком ВЛКСМ.

Претензии советской власти к Федору Корнееву наиболее полно сформулировал его прямой конкурент, член партии Иван Бурмистров. Последний заявил на допросе в ОГПУ¹⁰:

«Бывший заведующий частной школой Корнеев Федор Максимович до настоящего времени содержал частную художественную школу, где имелось 80 чел. учащихся сомнительного соц<иального> происхождения, а сам Корнеев один руковод<ил> и преподавал в этой школе вплоть до полит грамоты. Школа эта находится на М-Казачей улице, она существовала до Октябрьской революции и после октября до сего времени.

В настоящее время эта школа реорганизована в подготовительное отделение Художественно-промышленного техникума гор. Саратова. Для этой цели <...> зав. КрайОНО¹¹ т. Бройдо¹² предписал реорганизовать Корнеевскую школу в подготовительное отделение Сар<атовского> Худ<ожественно>-промышленного техникума, принять имущество и освободить помещение под краевой музей. <...> Как сам Корнеев, так и учащийся выступали резко против реорганизации и против Художественного техникума, говоря, что этот техникум ничего учащимся не даст. <...> Выступавшие ученики Корнеева его поддерживали и были настроены враждебно против мероприятий КрайОНО. Имущество стали мы увозить 27-28 окт<ября> и при этом нами обнаружено в этой школе два литографских станка, из которых один на полном ходу, а другой в разобранном виде. <...> гр-н Корнеев сопротивлялся против изъятия этих станков, доказывая, что эти станки его лично, а не принадлежат к школе, но однако же, мною Бурмистровым, эти станки были взяты в настоящее время они лежат в Художественном Техникуме, один стоит как был взят, мы его не трогали».

Через несколько дней после допроса директор художественного техникума Иван Бурмистров счел нужным собственноручно дополнить свои показания:

«Корнеев содержал школу в своих лично шкурных интересах – и под вывеской “Государственная худож<ественная> профшкола” Корнеев ловко прикрылся от муниципализации имущества – и в продолжении 12 лет пользовался грамадную площадью своего дома – и имуществом в котором нуждалось общественность (как-то богатая библиотека по искусству) на ряду с этим имеющая школа именуемой “Государственной проф. Школой” имела лицо долеко не советское, где как самому Корнееву (как бывшему крупному торговцу и дворянину, так и другим подобным ему легко было строить антисоветскую работу. – Основанием данного вывода может служить явным показателем прошедшее собрание при реорганизации школы в подготовительное отделение техникума настроение всех учащихся (которые были заранее подготовлены во

⁷ Профсоюзы работников просвещения и искусств.

⁸ Иван Дмитриевич Бурмистров (1898, Власовка, Пензенской губ. – ?) – С 1913 по 1923 г. с перерывами учился в Боголюбовском рисовальном училище, затем в Саратовском художественном училище. В 1929–1932 гг. – заведующий Саратовского художественного техникума, в 1932–1933 гг. – директор техникума национального калмыцкого искусства, в 1937–1949 гг. – директор и в 1949–1951 гг. – главный хранитель Радищевского музея.

⁹ Федор Васильевич Белоусов (1885, Саратов – 1939, Саратов) – художник, педагог. В 1903 г. закончил Боголюбовское рисовальное училище, затем Московское училище живописи, ваяния и зодчества. Вернулся в Саратов в 1918 г., с 1920 г. преподавал в высших художественных мастерских.

¹⁰ Здесь и далее цитируется с сохранением орфографии архивное прекращенное уголовное дело ОФ-23688.

¹¹ Краевой отдел народного образования.

¹² Григорий Исаакович Бройдо (1884, Вильно – 1956, Москва) – партийный и государственный деятель. В 1927–1930 гг. – ректор Саратовского коммунистического университета, заведующий Госиздата, секретарь и заведующий агитационно-пропагандистским отделом Нижне-Волжского краевого комитета ВКП(б).

все оружие к бою отвоевать имеющиеся права Корнеевской школы) и его наглое выступление на том же собрании, с попыткой нанести клевету на новые формы учебного худ. строительства в госуниверсит. учебн. заведениях (прокатываясь по адресу выдвижения говоря), что все лица как худ. техникума так и следственная комиссия от Крайно не компетентны и ничего не понимающие в искусстве, подбрасывая щеголеватую фразу: “что “мы нашей школой хотели вызвать на соревнование технику – а он испугался так-как он имеет постановку хуже то техникум и хочет нас закрыть” после таких слов Корнеева у учащихся сидящих на собрании видно было бурное ликование, и чувствовалось полное намерение выгнать всю комиссию и инспектора Крайно тов. Сергеева, из стен Корнеевского дома.

Тогда как по существу вопросу имеется следующая картина: все пришедшие в техникум воспитанники Корнеева, не смотря на их ранней возраст свободно владеют старым буржуазным языком, но политически совершенно не грамотны – а равно и художественно-профессион. что подтверждает материал отборочной комиссии. <...> По вопросу методике в школе можно сказать следующее: что ни всегда возможно встретить в самых лучших арабских сказках: сам Корнеев относящийся к явно чуждому элементу – нес в школе следующие роли: Заведывающий школой, преподаватель живописи I-go II-go III и IV курса тоже рисунка – то-же производственными заданиями и практикой – преподаватель черчения – преп. объемных дисциплин – методист – и прочие и прочие и т.п. даже и “политграмоту”, не довая совершенно в пользование имеющую у него богатую библиотеку по искусству.

Как вывод, школа Корнеева имела старый тип дореволюционной формы, антиобщественные программы и постановка (с нагрузкой количества часов в неделю до 100 самого Корнеева) явно говорит на ненормальность и не допустимость – Корнеев готовил работников не для советской общественности а морочил всем голову с явно своей целью».

30 октября 1929 г. Федор Корнеев был арестован за то, что «сознательно саботировал распоряжения советских органов и вел контрреволюционную агитацию». 60-летнего преподавателя поместили в изолятор спецназначения.

Кроме того, были арестованы школьные помощники Корнеева: Александр, Ольга и Елизавета Лаптевы, Сергей Покровский и два любимых ученика художника: Василий Саенко и Александр Браун. Их подозревали в расхищении арестованного имущества и содействии Корнееву. Все они также содержались в изоляторе, в их домах прошли обыски. Дело в том, что сотрудники ОГПУ намеренно не отделяли личные вещи директора школы от учебных материалов и пособий, тем более что сам Корнеев никакого их учета не вел. В результате конфискованы были не только парты и мольберты, но и личные вещи, картины, негативы и даже «штукатурка с серебром». Особое внимание при реквизиции привлекли два литографских станка, которые, по мнению чекистов, можно было использовать для печати листовок и прокламаций. Видимо, по этой же причине в основу обвинения легло и наличие в школе двух пишущих машинок, на которые отсутствовала регистрация.

Ситуация усугублялась тем, что жена¹³ Федора Корнеева не выдержала потрясения, у нее произошел, вероятнее всего, инсульт, и 13 ноября она скончалась. Как утверждали арестованные друзья семьи Корнеевых, перед смертью Ольга Григорьевна раздала им все ценные вещи, оставшиеся после разгрома школы. Однако чекисты считали конфискованными в свою пользу буквально все предметы по указанному адресу, включая солонки и запонки. Поэтому во время обысков по квартирам помощников Корнеева были

¹³ Ольга Очкина была приемной дочерью крупного саратовского предпринимателя и мецената Григория Васильевича Очкина (1835–1902). По слухам, корзинку с младенцем подбросили к дому купца в день религиозного праздника. Однако Федор Корнеев на допросе 26 ноября 1929 г. показал: «Она была сирота ранее, была взята на испытание Очкиным, у которого была мастерская и магазин. Девичья ее фамилия неизвестна. Родства Очкиным никакого не имела».

изъяты постельные принадлежности, одежда, посуда, деньги и многочисленные бытовые предметы, которые, на взгляд оперов, не могли принадлежать простым обывателям. Впрочем, у Лаптева изъяли и «кальсоны военного образца».

Обыскивали и само помещение школы на Малой Казачьей. Корнеев признался следователю, что еще в 1917 году они с Лаптевым зарыли в подвале два ящика с ценностями. После визита комиссии, которая реквизировала все, что попадало под руку, ящики решили выкопать, но смогли найти только один. Второй, как рассказал в ОГПУ Корнеев, так и не был обнаружен. По словам владельца, в нем хранились *«деньги бумажные старые тысяч десять, серебро было руб. 100-200, золота не было»*. До сих пор неизвестно, удалось ли чекистам выкопать ящик, в материалах следствия об этом ничего не сказано.

А самому Корнееву даже не сочли нужным сообщить о смерти жены. Управляющий школы Лаптев 14 ноября, на следующий день после смерти Ольги Григорьевны, пришел в ОГПУ и рассказал о случившемся коменданту, который обещал передать известие уполномоченному. Однако 16 ноября бывший студент Василий Саенко отнес Корнееву передачу и получил взамен записку, в которой учитель просил прислать ему масло, валенки, сапоги и сообщить ему о состоянии здоровья жены.

Пока шло следствие, ученики Корнеева не оставляли попыток как-то повлиять на решение властей закрыть школу. Члены исполнительного бюро (в то время школьное самоуправление еще не было пустым звуком) добивались публикаций в газетах, ходили в прокуратуру и отдел народного образования. Там их успокаивали, несмотря на предостережение Корнеева: *«Школу закроют совсем и навсегда, а то, что говорят относительно перевода нас в техникум, это только на первых порах, для обмана»*. Так и получилось. Директор худтехникума Бурмистров в свойственной ему манере донес следователю: *«Из числа 65 чел. могли выдержать испытание на 1^й курс техникума 5 челов. а все остальные (не смотря на их учебный стаж в Корнеевской школе до 3^х лет) с трудом остались на I и II кур. подготовительного отделения»*.

В состав комиссии, громившей школу Корнеева, входил и его бывший ученик, а ныне комсомольский активист Нисон Фрост¹⁴. 18-летний представитель райкома рассказывал на следствии:

«Прием в школу был без классового принципа. По окончании школы ученику сыну попа Попкову выдал хорошую характеристику и платную работу передавал ему, а не другим. <...> Работа ученических организаций и инициатива комсомольцев находилась под влиянием Корнеева, который направлял по усмотрению т. например использовывал их в различного рода ходатайствах по реорганизации школы <...> Вся обстановка раб. школы была затохлой, от которой веяло старым академизмом. В разговоре с учащимися Корнеев старался оттенить лучшую постановку школой музеев и др. художественной жизни на Западе, сопоставляя с плохой постановкой дела наших государственных худож. организаций (в личных беседах). <...>

Стиль который изучали ученики был какой угодно, но только не современный (египетский, ассирийский, готический и проч.) <...>

Показывая и объясняя какой либо рисунок или фотографию Корнеев, касался о своей прежней жизни и былых поездках по Западу. Живописно описывая тогдашнюю жизнь, работу тогдашних маэстро и проч. <...>

С кем он имел связь сказать трудно, т.к. знаком я с ними (посетителями) не был и как людей в социальном отношении я не знал, но по внешности это – допотопные

¹⁴ Нисон Михайлович Фрост (1911, Саратов – 1986, Саратов) – художник-оформитель, штангист, спортивный организатор, педагог. Закончил школу Корнеева в 1927 г. В дальнейшем занимал должности ассистента кафедры физкультуры Нижне-Волжского коммунистического университета (1930–1933), председателя Нижне-Волжского краевого бюро физкультуры (1932–1934), ответственного секретаря краевого совета физкультуры (1934–1936), начальника управления эвакогоспиталей (1941–1946). С 1943 по 1967 гг. преподавал в Саратовском медицинском институте. Отличник здравоохранения.

старушонки и им подобные. Правда посетителями были и рабочие-партийцы с которых К. писал портреты. Часто ходила одна женщина, которых принято наз. "грандами".
<...>

Рисуя один раз с натурищика портрет я слышал что сий натурищик был сам Рейнке¹⁵. Чтобы не ошибиться я его опишу. Возраст примерно 50 лет, узкое лицо, короткая борода, калмыцкие выразительные глаза. Впрочем в архиве школы портреты вероятно сохранились.

По части того были ли натурицами – проститутки, чрезвычайно трудно сказать обнаженные фигуры женщин, и только, видишь перед собой, когда рисуешь, а социальное лицо конечно трудно увидеть, но по слухам были мнения 1-2 женщины-натурицы были вроде женщин "легкого поведения"».

Итог «обследования» школы подвел некий А. Подольский, вероятно работник Горно:

«Корнеев, будучи весьма плохим художником, но домовладельцем и б<ывшим> торговцем (имел до революции магазин худ<ожественных> принадлеж<ностей>), сумел прикрыться вывеской, что он основатель худ. школы, что он якобы делает какое-то полезное дело и т.д. На самом же деле, просто сумел примазаться, чтобы сохранить за собой его б<ывший> дом, сохранить имущество от конфискации и спрятать свое настоящее лицо торговца и богача. Под вывеской же школы он организовал мастерскую, в которой не было духа советской школы, в которой преподавание шло по старым методам, давно забытым и брошенным.

В результате после 4х лет срока обучения учащийся выходил без достаточных знаний и без своего места в производстве, воспитывая в учащихся совершенно неправильные понятия об искусстве; выпущенные же учащиеся, идя в школу и на производство, продолжали уже дело калечения детей в школах и отрыв искусства от масс в производстве.

Будучи совершенно против совласти, Корнеев, конечно, кроме вреда, ничего не мог принести».

Первый допрос художника датирован 1 ноября 1929 г. и записан рукой следователя:

«Я, Уполном<оченный> секретн<ого> отдела П.П. ОГПУ по Н.-В. краю¹⁶ Чувилин допрашивал в качестве заподозренного по делу №___ гражданина Корнеева, Феодора Максимовича 60 лет,

происходит г. Саратов

проживает по М<алой> Казачьей ул. дом. №5

род занятий Зав<едующий> школой Губпрофобра¹⁷ – Художник. Педагог.

партийность Безпартийный

Предупрежденный об ответственности за ложные показания, по существу дела могу показать

Родился в 1869 г. феврале в г. Саратове, в семье Саратов<овского> цехового-мастерского. Отец имел сапожную мастерскую с применением наемного труда (сколько наемных рабочих имел, я сказать не могу). Затем эта мастерская закрылась, т.к. отец выстроил домовладение под номера, от которых имел средства к существованию. Отец умер в 1902 г., а мать в 1925 г.

¹⁵ Имеется в виду один из представителей известной в Саратове семьи мукомолов Рейнке.

¹⁶ Полномочное представительство Объединенного государственного политического управления при Совете народных комиссаров СССР с 1923 по 1934 гг. Нижне-Волжский край – административно-территориальная единица РСФСР с 1928 по 1934 гг.

¹⁷ Губернский комитет профессионально-технического образования.

От моей матери в наследство мне осталось 6 тыс. руб. От продажи ее дома, рядом находящегося по М^{алой} Казачьей №7, причем, дом был продан за 26 тыс.

С юных моих лет меня тянуло к искусству. Я этого и добивался, но отец был против. Но, тем не менее, я настоял на своем. Первые мои шаги по художеству начались в литографии Шат (Сытник) в 1883-4 г., работал в качестве ученика-подмастерья, получая 3-5 руб. в м-ц. Затем учился в воскресной школе у Ананьева, г. Саратов, где подготовился к поступлению в Академию Художеств г. Петербурга. В Академию Художеств я поступил в 1886 г., проучившись в течении 6 лет и окончив Академию Художеств, получил право преподавания в средних учебных заведениях по специальности. В бытность в Академии Художеств я занимался частной практикой, имел заработок от частных уроков и в то же время получал от своих родителей в м-ц 10 р. поддержки. На последнем курсе Ак^{адемии} Худ^{ожеств} я участвовал на выставках в 1891 г. в г. Петербурге, где выставил картину из быта волжских рабочих "Расчет рабочих на Волге", картина имела революционный характер.

По окончании Акад^{емии} Худ^{ожеств} вскоре я уехал на педагогическую работу на занятия по художеству в имение графа Несельроде¹⁸ в с. Царевщина, Вольского уезда Сар^{атовской} губ^{ернии}, где находился с зимы 1891-2 г., пробыв у указанного графа в течение 4 лет, получил от него командировку и средства для самоусовершенствования за границей, где и учился в Академии Художеств у проф. Колярьен¹⁹ г. Париже в течение нескольких зимних учебных м-цев. По возвращению из заграничной научной командировки я работал снова у графа Несельроде на продолжении около 3^х лет, т.е. до 1898 г.

На средства Носельрода я поехал в заграницу потому, что он был либерального толка, поддерживал развитие худ^{ожественной} культуры, а в 1900-1 г. он был председателем Сарат^{овского} об^{щест}ва любителей изящных искусств²⁰. После закрытия этого общества, где Носельрод был руководителем, он был выслан²¹ за границу Местн^{ой} Властью. Причем, означенное об^{щест}во закрывалось два раза, очевидно в 1900 г. был закрыт первый раз.

При этом об^{щест}ве существовала, в период с 1890 – по 1900 гг., школа о-в любителей изящных искусств, где в разное время я был ассистентом у Коновалова и Бараки²², а с 1901 года заведывал этой школой в течение одного учебного года.

После этого я поступил преподавателем художеств в Боголюбовское рисовальное училище г. Сар^{атова}, где проработал около 18 лет, т.е. до ее закрытия в 1918 г.

Боголюбовская рисовальная школа имела в своем составе около 275 чел. учеников, т.к. она была самая доступная для присутствия по своим взносам – плат^а составляла 1-50 к. за полугодие, были стипендиаты и бесплатные ученики. По своему политическому направлению была самая либеральная школа г. Саратова. В этой школе я был одним из преподавателей, и система, выработанная мною, а также методы преподавания были осмотрены Бенуа²³, приезжавшего для ревизии школы-музея. Параллельно с этим моим педагогическим трудом в 1906 г. я открыл студию школу при своей личной художественной мастерской. В сост^{ав} этой студии привлекались свободные любители искусств, но которые не могли по тем или другим причинам посещать занятия Боголюбовскую школу. Мастерская моя как худучилище была организована в 1902 г., которую начал расширять в студию-школу ввиду того, что развивался и рос спрос любителей искусств. Различие моей школы от Боголюбовской заключалось в том, что моя

¹⁸ Анатолий Дмитриевич Нессельроде (1850, Санкт-Петербург – 1923, Париж).

¹⁹ Филиппо Коларосси (1841–1906) – итальянский художник и скульптор, в 1870 г. основал в Париже академию своего имени.

²⁰ Существовало с 1889 по 1903 гг.

²¹ А.Д. Нессельроде эмигрировал в 1909 г.

²² См. прим. 3 и 4.

²³ Альберт Николаевич Бенуа (1852, Санкт-Петербург – 1936, Париж) – художник, архитектор, действительный член Императорской Академии художеств.

школа в системе своих занятий была более приемлемой для свободно развивающихся любителей. В ней по стилю демократического регламента занятий вводились мною прикладные искусства – по дереву, металлу и ткани, что в Боголюбовской школе не имелось.

~~Для означенной школы~~ Мной в 1902 году было выстроено здание-гостиница художников с рабочей мастерской. Стоимость этого здания обошлось десять тысяч руб., куда вошли и оставшиеся после смерти матери 6 тыс. руб. Программа была расширена, уточнена и углублена. Например, было введено изучение орнамента, стиля, творчества по заданию момента и требованию жизни, введено изучение перспективы, проводились работы по изучению техники материала, и все проводимые дисциплины были разделены на четыре курса.

Начиная с 1925-26 г. по предложению Глафпрофобра²⁴ (отдела рабочего образования) были запрошены программы и учебный план школы и работы учащихся. Учебная программа была просмотрена Глафпрофобром, предложено им было ввести черчение, наброски живой натуры на первом курсе и отменены были занятия пластической анатомии как отдельный предмет, что и было школой выполнено. Методы работы Глафпрофобром были признаны целесообразными и все <постоянные?> работы учащихся (работы всех курсов и всех дисциплин) одобрены. Поэтому по этой программе занятия продолжались до настоящего времени. Причем, начиная с 1924 г. была введена новая дисциплина обществоведения, которая проводилась наравне с др. дисциплинами. С 1922 г. школа работала по местной программе, составляемой мною и утвержденной Сар<атовским> Губоно²⁵, но с 1925 г. она уже руководствовалась программой Глафпрофобра.

Состав учащихся – состав учащихся укомплектовывался в дореволюционное время – прием был доступен для каждого и <в> неограниченном количестве, т.е. принималось столько, сколько ~~помещалось~~ вмещало в ~~здание школы~~ помещение студии. После революции, начиная <с> 1918-1919 уч<ебного> года, появились и командированные организации, что особенно заметно с 1919 г., как то – ~~военно~~ группы красных рабочих и служащих, в том числе учащиеся, а с 1925-26 гг. уже начали подбирать по классовому принципу, а именно: давались преимущества рабочим и крестьянам, следуя при этом распоряжениям Губоно. Прием учащихся производился приемочной комиссией, председатели которой назначались (за последние два года) Губоно. Ранее же до 1923-24 уч<ебного> года комиссии не создавались, и прием производился по спискам, представленным Губоно.

Количество учеников в школе начиная с 1922 г. было от 50 чел. до 90 чел. в последний настоящий учебный год.

Состав педагогов – в дореволюционное время педагогов, кроме самого меня, Корнеева, не было, после революции, когда школа реорганизовалась в студию-школу в 1923 г., было 3 преподав<ателя> – по искусству, а в 1925 г. ввиду отсутствия средств остался один преподаватель по искусству, один по обществоведению (в этом числе и сам заведывающий). С 1926 г. был приглашен преподаватель по черчению, поэтому их стало 3 чел., которые работали по сие время.

Оплата педагогов производится из расчета 3 р. 88 к. за один <недельный?> час, а сам заведывающий школой получил 97 р. в м-ц.

Школа состояла на бюджете Саргубоно с 1919 г. по 1922 г., а после этого она существовала исключительно на взносы, взываемые с учащихся за право учения. Размер этого взноса от 3^х р. 30 к. до 9 р. 90 к., считая в том числе 10% комсодских²⁶. Причем от 10% до 16% из общего числа учащихся освобождались от платы к<а>к неимущие, в число таких бесплатных входили командируемые воспитанники д/домов и др. лица.

²⁴ Главное управление профессионального образования РСФСР (1920–1930).

²⁵ Губернский отдел народного образования.

²⁶ Многочисленные в 1920-е годы «комитеты содействия».

Обслуживающий персонал школы – состоял из уборщика – 1, он же истопник школы, временный канцелярист работник делопроизводитель, причем временами канцелярского работника не было – он увольнялся, т.к. работа временная.

Администрация школы – один заведывающий школой, который работу вел бесплатно при 39 часов недельной нагрузки.

Всю работу по счетоводству приходилось вести самому заведывающему, была заведена кассовая книга. Отчетность финансовая представлялась в Губоно за учебный <...> год, а также отчитывался перед учащимися на собраниях тоже за учебный год. Ревизионной комиссии за последнее время не было, так <как> я не настаивал, а учащиеся не требовали этого.

Взаимоотношение администрации с организациями учащихся – Исполбюро и Культкомиссии – <...> в работе было, я всегда помогал в их работе. Подавление со стороны администратора ученической инициативы не было, наоборот, оказывалось содействие в деле организации кружков – изучения Ленина и революции с точки зрения художественной; в прошлом году по моей инициативе хотели организовать военный кружок, но ввиду <...> дней <...> и времени и отсут<ствия> руководителя кружок организован не был.

Опись имущества школы ~~которое~~ приобреталось на средства школы, приобреталось имущество начиная с 1922 г. и кончая 1929 г., причем, записывалось на основе оправдательных документов и соответствующих статей расхода. В вышеозначенных инвентарных списках имеются оговорка, что все не внесенные в инвентарный список предметы, находящиеся в помещениях школы, принадлежат основателю школы Корнееву, находятся в данном помещении временно и должны быть возвращены по первому требованию их владельца.

Всего ревизий и обследований за время существования было – ревизия в 1927 г., вторая ревизия ревизором Гор<о>но в декабре м-це 1928 г. и наконец обследование состояния школы в октябре м-ц 1929 г.

Первый раз ревизию производил Курляндский финработник Губоно.

Вторую ревизию делал контролер Гор<о>но тов. Сайковский.

Третий раз финревизию делал Роткевич, представитель Горсовета, нашедший состояние финчасти в полном порядке.

Приблизительно круг лиц из моих учеников, принадлежащих моей школе. Один <Ноитеппер?> до войны 1914 г. уехал за границу, избрав себе специальность историю искусств – <Бонович?>. Из общей массы уча<щихся> я могу указать следующих лиц.

1) Спирин – ж.д. маст<ер>, был рабочий, он известен тем, что он написал картину вместе с Бродским. Заседание во Дворце тов. Урицкого III конгр<есса> Коминтерна²⁷.

2) Перельман²⁸ – б/зав<едующий> художест<венным> отделом “Рабочей газеты”, теперь секрет<арь> “АХРР”²⁹.

3) Загреков³⁰ теперь проф<ессор> государ<ственной> худож<ественной> школы Берлина и его жена по прикладному искусству – Галлер.

4) “Сарат<овские> Изв<естия>” <...> почти исключительно моими учениками Дундуком³¹ и ныне умершим Селеверстовым³², а также сотрудники

²⁷ Картина Исаака Бродского «Торжественное открытие II конгресса Коминтерна во дворце Урицкого в Ленинграде» была написана в 1920–1924 гг.

²⁸ Виктор Николаевич Перельман (1892, Липецк – 1967, Москва) – художник, в 1910–1912 гг. учился в Боголюбовском рисовальном училище, в 1920–1922 гг. – заведующий Высшими государственными художественно-техническими мастерскими в Саратове.

²⁹ Ассоциация художников революционной России (1922–1932).

³⁰ Николай Александрович Загреков (1897, Саратов – 1992, Берлин) – художник и архитектор. Учился в Боголюбовском рисовальном училище (1914–1918), в 1921 г. с женой поволжской немкой Гертрудой Галлер эмигрировал в Германию. В 1925–1933 гг. преподавал в берлинском Профессиональном училище искусства и ремесла (Gewerbeschule für kunst und Handwerk).

- 5) Зав<едающий> Дворцовым музеем СССР б/мой уч<еник> тов. Ятманов³³.
6) Полосухин – руков<одитель> худож<ественным> кружком в Смольном
7) Проф<ессором> быв<шего> инст<итута> гр<ажда>нских инженеров сост<оит> мой б/уч<еник> <Логоинов?>
8) Кузнецов Павел³⁴, проф<ессор> “ВХУТЕМАС” г. Москвы, мой б/ученик.
9) Карев³⁵ – проф<ессор> и реорг<анизатор> б/Императ<орской> Академии худ<ожеств>, мой б/ученик

Знакомые мои в прошлом, до революции были – потребители моей продукции в лице круга заказчиков работ. ~~Наиболее интересные~~ Кроме того, одним из моих знакомых был жандармский полковник Мартынов³⁶ г. Саратова, который также любил искусства, и жена его получала от меня уроки по искусству, причем, не только сами интересовались этим искусством, но и их дети. Знакомство заключалось в том, что ходили ко мне на дом, и давал я его жене уроки. Полковник Мартынов в Саратове работал в охранном отделении в 1912-13 годах, а затем он был переведен в г. Москву в 1913 г., в годы войны 1913-14 несколько раз во время каникул мне пришлось побывать у полковника Мартынова на квартире в г. Москве, где он работал по линии охраны. У этого Мартынова была хорошая художественная библиотека, он интересовался художественной культурой. В бытность его в г. Саратове, Мартынов у меня на квартире был не часто, причем сношения были на почве помощи его семье по линии искусства и искусства. Последний раз я встретился с полковником Мартыновым в 1915 г. в Москве, а больше я его не видел. И в настоящее время не знаю, где он находится.

Больше охарактеризовать знакомых дореволюционного времени, которые бы ходили ко мне и были бы интересны, не могу, хотя знакомство имел большое.

В годы революции я находился в г. Саратове, активного участия в революционном движении не принимал, работал в школе как педагог-художник, параллельно работал в своей школе-студии, а по закрытию Боголюбовского рисовального училища, продолжал работать в этой последней студии. До конца 1918 г., когда был приглашен тов. Бас<с>альго³⁷ работать как художник в Военный Совет искусств г. Саратова, откуда в 1919 г. был переведен в отдел искусств, где заведывал Бас<с>альго (в органы Наробраза). В этом отделе я заведывал <...> при провинциальном ~~отделении~~ управлении вышеуказанного отдела. На данном этапе существования моей школы она начала переживать моменты перелома в сторону приноравливания к запросам революционных

³¹ Павел Федорович Дундук (1889, Саратов – 1940, Ялта) – скульптор, карикатурист. В 1904–1908 гг. учился в Боголюбовском рисовальном училище. В 1918–1920 гг. руководил скульптурной мастерской Пролеткульта в Саратове.

³² Федор Корнеев имел в виду, что в 1908–1909 гг. Павел Дундук учился в Пензенском художественном училище имени генерал-губернатора Николая Дмитриевича Селиверстова.

³³ Григорий Степанович Ятманов (1878–1949) – выпускник Боголюбовского рисовального училища. В 1917–1927 гг. возглавлял Петроградский (затем Ленинградский) отдел по делам музеев и охране памятников, затем был инспектором музейных учреждений Ленинграда и его пригородов (в том числе и по Эрмитажу).

³⁴ Павел Варфоломеевич Кузнецов (1878, Саратов – 1968, Москва) – художник, в 1917–1937 гг. преподавал во Вхутемасе (Высшие художественно-технические мастерские).

³⁵ Алексей Еремеевич Карев (1879, с. Шиловка Саратовской губернии – 1942, Ленинград) – художник и педагог. Учился в мастерской Федора Корнеева (1896), затем в Боголюбовском рисовальном училище (1897–1898). В 1918 г. был назначен комиссаром Петроградских государственных свободных художественно-учебных мастерских – бывшего Высшего художественного училища при Императорской Академии художеств. Участвовал в реорганизации Пензенского художественного училища (1919) и Боголюбовского рисовального училища (1920–1921) в Свободные художественные мастерские.

³⁶ Александр Павлович Мартынов (1875, Москва – 1951, Лос-Анджелес) – в 1906–1912 гг. начальник Саратовского охранного отделения. 21 августа 1912 г. занял должность начальника Отделения по охране общественной безопасности и порядка в г. Москве.

³⁷ Дмитрий Николаевич Бассальго (1884, д. Варкавичи, Белоруссия – 1969, Москва) – партийный, государственный и театральный деятель. В 1918–1919 гг. заведующий отделом искусств Саратовского губисполкома, организатор ТЮЗа и Высших государственных мастерских театрального искусства.

требований, и по предложению тов. Бас<с>алыго была введена система приема учеников по командировкам общественных организаций. Это было в 1918-19 учебн<ом> году. В связи с этим в школе увеличился и состав слушателей, и вместе с тем обновился за счет нового приема.

Бас<с>алыго – был зав. отд<елом> искусства, который заведывал всеми театрами, кино и студиями гор. Саратова.

В бытность меня в работе в Красной Армии <...> в качестве зав. “Изо”, при содействии военных работников при существующей студии-школе было сформировано отделение для красноармейцев, которое существовало в течение полутора лет, а затем в связи с переездом красноармейских частей оно было ликвидировано, т.к. эти части, из которых набирались красноармейцы-слушатели, были не постоянны, а переезжали с одного места на другое.

Названия школы – с 1906 г. она называлась “Студия школа”, с 1919 г. она стала называться “Центральной художественной студией Саргубоно”, т.к. заведывающий этой школой, б<ывший> ее владелец Корнеев по своей инициативе ее передал в ведение Губоно, причем Губоно заведывание школой возложил на ее основателя, на Корнеева. С 1922 г. школа-студия была реорганизована в “Профтехническую художественную школу Губпрофобра”, но смены заведывающего не было.

Таким образом, заведывал я, Корнеев этой школой до революции, начиная с 1906 г. по 1929 г. октябрь м-ц.

Программные вопросы – с 1919 г. в этой центр<альной> худ<ожественной> студии программой была общепринятая во всех других студиях, а именно: рисование и живопись с натуры, композиция, плакат (революционные), изучение цвета и истории искусства, задание на революционные темы.

С 1922 г. по реорганизации школы студии в профтехническую художшкола.

Состав педагогов был в 1920-21 гг.

1. Зав<едующий> и препод<аватель> Корнеев
 2. Руков<одитель> по Изо – Степашкин³⁸ (теперь в акад<емии> худ<ожеств> в Ленинграде).
 3. – “ – Райхман³⁹ (в Москве по худ<ожественной> работе)
 4. История искусства Перельман⁴⁰
 5. По черчению Абрамов преп<одаватель> худ<ожественного> техн<икума>
- Теперешние педагоги
6. Обществоведение – Касель⁴¹ зав<едующий> 4 или 2 <...>.
 - 7.

Оборудованность школы. Помещение школы было достаточно на то количество, которое имела школа, при наличии некоторого ремонта.

Учебными пособиями школа была обозначена удовлетворительно (гипс, разные предметы из домашнего обихода); библиотеки при школе не было совсем, и учащиеся книгами не пользовались и не нуждались в них.

По вопросу о станках литографии могу сказать следующее: ввиду того, что автолитография в СССР приобретает особое значение и спрос на это дело возрос, мне хотелось познакомить учащихся с этим видом работ и искусства. Для этой цели мною были куплены два литографических станка в виде чугуно-железного лома. Станки я

³⁸ Иван Петрович Степашкин (1882, Саратов – 1960, Ленинград) – художник и педагог, с 1926 г. работал в Ленинградской академии художеств.

³⁹ Даниил Борисович Даран (Райхман) (1894, Воронеж – 1964, Москва) – художник. В 1909–1916 гг. учился в Боголюбовском рисовальном училище, в 1921 г. переехал из Саратова в Москву.

⁴⁰ См. прим. 28.

⁴¹ Иосиф Абрамович Кассиль (1908, Покровск – 1938, Саратов) – литератор. Будучи студентом педагогического факультета Саратовского университета, преподавал в школе Корнеева обществоведение с сентября 1928 по сентябрь 1929 г. Репрессирован.

купил в конце октября прошлого года за 70 руб. в магазине случайных вещей Комитета помощи инвалидам и больным раненым красноармейцам.

Станки были <в> разобранном виде и имели поломанные неполные части, поэтому собрать один станок удалось не в полном виде, за отсутствием некоторых частей, только в июле или в июне этого – 29 года. Причем Сарполиграфпром обещал дать эти недостающие части и два камня, каковые совсем с частями станков и др. принадлежностями для литографии не имелось при покупке их.

Ввиду усиленной работы по приему в начале учебного года и большой загруженности в работе станок не удалось привести в полный законченный вид. К тому времени, когда <...> известили что школа реорганизуется и переходит в ведение художественного техникума. После этого мной было заявлено ПП ОГПУ – НВК о вышеуказанной покупке частей станка и неполной сборке такового с просьбой зарегистрирования такового на имя школы Губпрофобра.

В ответ на это тов. Феодоров, сотр<удник> ПП ОГПУ заявил, что когда станок будет взят в художественный техникум и будет вполне закончен, тогда и следует его зарегистрировать, но на имя какого-либо ответственного лица, а не на имя школы. При этом сказал, что пусть станок берут и дело регистрации – дело художественного техникума.

По имеющимся сведениям мне известно, что эти станки принадлежали 32 дивизии, которая по упразднению литографии продала как лом каким-то татарам, а последние очевидно в магазину случайных вещей помощи инвалидам, от которых купил я. Фамилия приказчика указанного магазина Агишев, причем, Агишев сперва просил за них 150 руб., а потом отдал за 70 руб., по слухам 32 дивизия тоже просила за них 150 руб. Это говорил мастер литограф при Крайисполкоме, фамилию которого я не знаю, причем, он хотел войти в комиссию по покупке этих станков с целью передачи одного станка для литографии Крайисполкома, а так к<а>к я его больше не видел, то это совместная покупка не состоялась.

На базар<е> я нашел случайно и когда нашел эти станки я хотел купить один, но т.к. не известили какие части к которому принадлежат, то пришлось купить обоих.

Со станками камней не было и по сбору станки мною в июне м-це я их тоже не имел. Поэтому станки в бытность их у меня не работали. Учащиеся ими очень интересовались, спрашивали, когда они будут работать, но работать было на них нельзя из-за отсутствия камней.

В одно время я спрашивал в штабе 32 дивизии есть ли у них камни, на что мне ответили, что один камень они смогут продать, но цену, размер и качество не указали, а предложили зайти <в> другой раз. Мне зайти не пришлось, поэтому и не купил, кроме того, мне обещал дать бесплатно, для указанных учебных целей школы, два камня Полиграфпром по представлению разрешения на это ПП ОГПУ НВК, но этих камней я точно не получу ввиду того, что школа переходит в худ<ожественно>-пром<ышленный> техникум.

Станки мною были куплены для учебных целей школы, а деньги уплачены из моих средств, вследствие отсутствия средств у школы.

Для личной моей работы станки эти мне не нужны, литографию я не собирался открывать и не собираюсь».

Следствие длилось чуть больше двух месяцев. Как уже было отмечено, основное внимание уделялось не доказательству вины Корнеева, а поискам серебряных ложек, которые власть считала своей собственностью и дюжинами изымала у оставшихся без работы сотрудников школы.

12 января 1930 г. Корнеева обвинили в «ведении а/сов. агитации, скрытии от соввласти ценностей и саботировании решений соворганов».

ОБВИНИТЕЛЬНОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ

по следственному делу № 2546

В конце октября 1929 года <в> ПП ОГПУ Ниж<не->Вол<жского> Края поступили сведения, что гр-н КОРНЕЕВ Федор Максимович, содержащий в Саратове частную художественную школу, прикрывался таковой, скрыв громадные ценности, в а/сов<етском> духе воспитывал молодежь и злостно саботировал решения госорганов в отношении его школы.

Для прекращения подобной деятельности – П.П. ОГПУ Ниж<не->Вол<жского> Края был арестован гр. – КОРНЕЕВ Ф.М. и привлечен к следствию.

Произведенным следствием установлено следующее:

Художественная школа, основанная КОРНЕЕВЫМ Ф.М. в 1906 г., весь послереволюционный период имея вывеску – Проф<ессиональной> Тех<нической> Худ<ожественной> школы Губ<ернского> Профобра, по существу являлась частной школой, в которой сам КОРНЕЕВ являлся Заведующим и одновременно преподавателем на 80, в среднем, человек учащихся. Все содержание школы производилось за средства, взыскиваемые с учащихся, размер которых устанавливался самим КОРНЕЕВЫМ <...>.

Будучи антисоветски настроенным – КОРНЕЕВ также в а/советском духе производил воспитание молодежи в своей школе и им был приглашен в качестве преподавателя явно антисоветский тип ДЕСНИЦКИЙ⁴², выгнанный из Худтехникума за а/Сов<етскую> деятельность.

При обучении КОРНЕЕВ руководствовался старой программой, выработанной им, по которой обществоведение в школе до 1928 года не производилось, а после ему уделялось совсем незначительное внимание. Вместе с этим – КОРНЕЕВ занимался парнографическими снимками и имея семь фотоаппаратов, для позирования же при рисовании была приглашена проститутка, выгнанная из Худтехникума <...>.

На протяжении 48⁴³ лет существ<ования> школы ученики ничего не получали, были недоученными, политически совершенно неграмотными, за что говорят ряд фактов, что после реорганизации школы из 85 учеников – лишь 5 – по подготовке были приняты на 1-й курс Худтехникума, а остальные на подготовительные отделения. Данное явление нельзя иначе расценивать, как вредительство в области воспитания молодежи.

В частных беседах с учениками восхвалял Западное искусство, говоря о плохой постановке искусства у нас в Совсоюзе, игнорировал общественные школьные организации, лишая возможности их работы. Срывал стенгазету, в которой ученики пытались указать на отрицательные моменты в работе школы. Ученики делились на две группы – 1) Советская молодежь, коя, по словам КОРНЕЕВОЙ, причиняла им всякие неприятности, и другая часть – поддерживающая КОРНЕЕВА, последней им уделялось большое внимание, так, напр<имер>, сыну попа ПОПКОВУ выдавал хорошие отзывы и всегда представлял ему платные работы.

Выпуск учеников сознательно задерживался в целях личного благополучия, т.к. вырученные суммы за выполненные частные заказы 75% брал в свою пользу и лишь 25% в пользу учащихся.

КОРНЕЕВ, враждебно настроенный к Соввласти, ожидающий ее свержения, проводил а/сов<етскую> агитацию, как сам, так и через жену, распространял разные провокационные слухи: – «При советской власти скоро и черного хлеба не будет и т.к. все ценное вывозиться за границу и советской дряни никогда не стану покупать».

⁴² Борис Матвеевич Десницкий (1903, Владивосток – 1985, Москва) – художник. В 1924 г. поступил в Саратовский художественный техникум. В 1927-1928 гг. читал лекции по теории изобразительного искусства в школе Корнеева. В 1929 г. переехал в Москву, работал в театре «Ромэн». Был репрессирован в 1937 г.

⁴³ Вероятно, опечатка.

По поводу Шахтинского дела⁴⁴ КОРНЕЕВА заявила, что «не могут же старые специалисты иначе работать при Соввласти, они же не могут подчиняться коммунистам». Во время создавшихся очередей говорила: «Этого и надо было ожидать, т.к. Советское Правительство на это только и способно». КОРНЕЕВ же после предложения Горсовета освободить дом, заявил: «Пчелы ведь перед концом усиленно кусаются, вот и они (большевики) перед своим концом начали злиться» <...>.

Игнорируя работу общественных ученических организаций, КОРНЕЕВ наряду с этим постоянно использовал последний в своих личных интересах, подчинив учеников своему влиянию, подстрекал их на разные коллективные протесты против решения соворганов в отношении его школы.

Когда в 1929 году окончательно был решен вопрос о реорганизации худшколы КОРНЕЕВА в подготовительное отделение худтехникума, то КОРНЕЕВ в целях сохранения школы занялся подстрекательством учеников к протесту против решения КрайОНО о реорганизации, для чего созвал собрание учащихся, на котором ученикам вместо разъяснения о решении КрайОНО заявил: – «Школа реорганизуется, меня выгоняют, вы остаетесь за бортом, худтехникум съест Вас». В дальнейшем говорил, что никакой реорганизации не будет, это просто слова, они хотят забрать все имущество.

Прибывших представителей по описи и изъятию имущества – назвали грабителями, говоря: – «Грабят школу, грабят и меня». Кроме этого, все время подстрекал учеников к протесту, которые под его руководством составили ходатайство и с коим ходили к Крайпрокурору, <в> ред<акцию> газ<еты> «Поволж<ская> Правда» и т. далее <...>.

При изъятии же школьного имущества для худтехникума оказывал физическое сопротивление, мешая производству такового; среди имущества обнаружено два литографских станка, из коих один в собранном виде, оба не зарегистрированы, производилась ли на коих работа – следствием не установлено.

Кроме того, обнаружены три пишущие машинки и прессовый станок, при помощи коего изготовлялись разные объявления, также не зарегистрированные. Изъято громадное количество парнографических фотокарточек духовенство и разных быв<ших> чинов <...>.

Привлеченный к следствию в качестве обвиняемого гр-н КОРНЕЕВ Федор Максимович по предъявленному ему обвинению по ст. 58-10 и 58-14⁴⁵, виновным себя не признал <...>.

На основании вышеизложенного гр-н КОРНЕЕВ Федор Максимович, 1869 года рожд<ения>, б/парт<ийный>, вдов, с высшим художественным образованием, сын домовладельца. До революции содержал ресторан и гостиницу и имел художественный магазин, выполнял крупные заказы, как монастырю за 11 т<ысяч> руб. по писанию иконостасов. Имел тесную связь с жандармским полковником – МАРТЫНОВЫМ⁴⁶ и КОМИССАРОВЫМ⁴⁷ и графом НЕССЕЛЬРОДИ⁴⁸ и имел переписку с губернатором СТОЛЫПИНЫМ⁴⁹, имел связь с границей, связан с антисоветским элементом г. Саратова.

⁴⁴ Судебно-политический процесс 1928 года над 53 работниками угольной промышленности Донбасса, обвиненных во вредительстве, саботаже и создании контрреволюционной организации.

⁴⁵ Пропаганда или агитация, содержащие призыв к свержению, подрыву или ослаблению Советской власти, а также контрреволюционный саботаж.

⁴⁶ См. прим. 36.

⁴⁷ Михаил Степанович Комиссаров (1870, Москва – 1933, Чикаго) – в 1912–1915 гг. начальник Саратовского губернского жандармского управления.

⁴⁸ См. прим. 18.

⁴⁹ Петр Аркадьевич Столыпин (1862, Дрезден – 1911, Киев) – в 1903–1906 гг. саратовский губернатор.

В 1917 году скрыл от Соввласти громадные ценности, зарыв их в землю. Обладает в настоящее время большим имуществом в несколько тысяч рублей. Проживает в г. Саратове по М<алой> Казачьей ул. д. № 5. Судим за эксплуатацию наемной рабочей силы.

ОБВИНЯЕТСЯ –

в том, что, содержа частную художественную школу, гр-н КОРНЕЕВ воспитывал молодежь в а/советском духе, разлагал ее, занимаясь в значительной степени фотографией парнографических снимков – при отсутствии преподавания обществоведения в школе. Среди учеников, а также и других граждан – проводил а/сов<етскую> агитацию, говоря о скором конце советской власти, и распространял провокационные слухи.

Злостно саботировал решения советских органов о реорганизации школы в подготовительное отделение Худтехникума, занимаясь подстрекательством учеников на коллективное выступление – протест против данного решения. Оказывал физическое сопротивление при изъятии школьного имущества для Художественного техникума, прикрываясь школой, скрыл от советской власти громадные ценности, а в 1917 году серебряные и золотые вещи зарыл в землю.

Действия предусмотрены ст.ст. 58-10 и 58-14 УК РСФСР, что подлежит рассмотрению в Крайсуде, но, принимая во внимание недостаточность собранных сведений следствием и ввиду политической важности совершенного КОРНЕЕВЫМ преступления, а также считая его социально опасным элементом – на основании приказа ОГПУ № 172 от 2/IV-24 г.⁵⁰, положения об органах ОГПУ – п. 7

ПОЛАГАЛ-БЫ

Настоящее следственное дело № 2546 направить через 5-ое отделение СО ОГПУ в несудебное рассмотрение Особого Совещания при Коллегии ОГПУ.

Составлено 12-го января 1930 г.

УПОЛНОМОЧЕННЫЙ СО ПП ОГПУ НВК

М. Кузьмин (?)

СОГЛАСЕН: – НАЧАЛЬНИК СО П.П.

УТВЕРЖДАЮ: – Врид П.П. ОГПУ

подпись (МАСЛОВ)

СПРАВКА: – обвиняемый КОРНЕЕВ находится в Саратовском ИТД⁵¹ <...>.

На следующий день, 13 января 1930 г. Федора Корнеева снова вызвали на допрос. Позиция художника, которую он занял с первых дней следствия, осталась неизменной:

«По предъявленному мне обвинению по ст. 58 п. 10 п. 14 УК РСФСР виновным себя не признаю, вместе с тем показываю, протеста против реорганизации школы не выражал, а лишь возражал против неверной оценки работы школы и ее значения, руководствуясь одобрением отдела рабочего образования Главпрофобра.

Ценности зарыты мною в землю в 1917 г. не ради скрытия их от пролетариата, а в целях сохранения от пожара и разных др. случайностей.

Виновным себя признаю лишь в том, что не были зарегистрированы пишущие машинки».

24-25 января состоялось заседание тройки, которая постановила «КОРНЕЕВА, Федора Максимовича выслать через ПП ОГПУ в Северный край, сроком на ТРИ года,

⁵⁰ «Положение о правах Объединенного Государственного Политического Управления в части административных высылки, ссылки и заключения в концентрационный лагерь».

⁵¹ Исправительно-трудовой дом.

считая срок с 4/ХІІ-29 г., по окончании срока ссылки запретить проживание в НВК, сроком на ТРИ ГОДА. Имущество конфисковать».

На обороте постановления сделана запись о том, что осужденный Корнеев следует этапным порядком в Архангельск.

Дальнейшая судьба художника неизвестна. В некоторых справочниках приводится дата его смерти – 1949 год, однако неясно, на чем она основана.

В помещении бывшей Корнеевской школы по адресу: Малая Казачья, 5 много лет располагался репетиционный зал театра оперы и балета. Затем здание на переименованной улице Яблочкова отдали под коммунальные квартиры. Дом полностью сгорел 1 сентября 2013 года.